

Глава 5. Путешествие.

Живулька ушла. Она покинула меня так же беззвучно, как и появилась. А я стал рассматривать кусочек ткани.

Я сразу узнал эту материю. Именно она отгораживала от Давии ту, другую страну, где жил многоглазый Волшебник. А впрочем, не выдумал ли я его? Не почудился ли он мне, фантазёру и мечтателю, как те два трупа?... Я мог легко выдумать Волшебника и не заметить этого. Такой я человек...

Но Живулька зачем-то принесла мне карту. Должно быть, до неё всё-таки долетело известие о том, за что дядя преследует меня в последнее время. Наверное, и она подошла к вырезанному мною окошку в толстом и тяжелом полотне, заглянула в него, слепая - непонятно только, зачем. Может быть, потому что ощущала на своём бледном лице игру серебряных глаз, движение прохладных отсветов. Нащупала окно руками и протянула руки тонкие к чужому небу.

И, выходило, Живулька не только хотела сообщить мне, что она в курсе моих исследований. Но и подвигала меня к тому, чтобы я продолжал их. К бунту против дяди она меня подвигала - вот в чём дело! И не ведала пока одного, что я не хотел уже никакого бунта и никаких исследований после того, как постоял на горохе.

На кусочке ткани была нарисована карта. И это тоже показалось мне сейчас, обиженному, лишним! Зачем слепая девчонка мучила себя? Доверься она мне несколько дней назад, и я не пришёл бы к Груше с просьбой научить меня читать.

Правда, я ни на кого не мог дуться подолгу, отходчив. И карта была вычерчена так чётко, так старательно!.. Такой рисунок не удался бы незрячему.

Конечно, я не мог рассматривать его у всех на глазах, поэтому побрёл в пещеру. Тряпочная гора, на которой мы ночевали, и которая назвалась Диваном, имела удивительное покрытие, тоже матерчатое и плотное. В некоторых местах оно отходило от Дивана и создавало отдельные тёмные и глухие комнатки, в которых было довольно тепло. Мы их использовали как шкафы для одежды и места для переодеваний. Сюда-то я и отправился.

Света тут было мало, но всё равно мне удалось определить по карте, что от нашей спальной горы по Центральной долине шла травяная тропка между нарисованных цветов. Если по ней шагать с полчаса, она упрётся в высоченную прямоугольную горищу, которую дядя назвал Шкафом. За ней жили пересмешники эльфы. Поэтому мы и не подходили к ней близко. Но, если верить карте, тропа возле шкафа не кончалась. Она уходила под гору! И это тоже было удивительно, потому что прежде я никакого лаза под ней не видел.

Потом, миновав туннель, можно было добраться до одной из прямых и гладких скал, что со всех четырех сторон до самого неба окружали Давию. “Ну и что с того?” - тут же подумал я. Я ведь не мог пройти сквозь камень! Однако на рисунке это оказалось возможным! Более того, если верить карте, то дорога

продолжалась и за скалой! Поразительно! Уж не сошла ли с ума эта девчонка Живулька?! Или же у неё начались видения, сны наяву? Дядя же объяснял нам не раз, что за скалами с этой стороны ничего нет, бездна! Конец мира....

В общем, у меня даже кости закрипели от предложения дерзкой Живульки. Ведь дядя не приветствовал мои поиски иных миров. И, поймав меня на этот раз, не ограничился бы наказанием на горохе.

С трудом дождался я полной темноты этой ночью. Услышав, как дядя кряхтит в своём углу Дивана, поворачиваясь на бок, я вытерпел и то, как Лепетайло нашёптывает ему из своего угла про меня и Живульку: “Мурр-мурр-мурр-мурр-мурр. Мяу-мяу-мяу!” Что означало: “Просто у них переходный возраст! Подростки, знаете ли, всегда создают взрослым проблемы. Трудные дети... Чрезмерная смелость и отсутствие здравого смысла!...” Что ответил коту дядя, и ответил ли он ему, я не расслышал. Потому что внезапно заснул, словно кто-то подмешал мне в вечерний час снотворного. Может быть, это сделал и дядя, чтобы я не шастал по ночам, когда ему будет трудно за мной уследить.

Однако в середине ночи я проснулся. По нашему небу бегали какие-то сполохи света. Это, наверное, действительно были отсветы Фар из той, соседней с нами, страны, где шла война. И мне спрσονья стало страшно. Всегда мне всё мерещилось в чёрном цвете, когда я просыпался усталым и не отдохнувшим. Война... А что если то видел я не серебряные глаза Волшебника, а летящие в кого-то пули?

Может быть, дядя не лжёт, когда говорит, что схоронил нас в Давии от многочисленных несчастий других миров и стран? Наши-то безумные карлики, хотя и бросают в давское человечество свои длинные молнии и при этом дико хохочут, нагнетая на врагов страхи и панику, только играют в войну по дядиному указанию. А сами мечтают о пенсии в какой-то тесной коробке....

И всё же постепенно вернулось ко мне такое настроение, что лучше уж отправится на чужую войну, чем ещё миллион лет, не зная смерти в нашем “райском уголке”, вечно учиться у фарфорового дурачка Понуры, страшится безголовых великанов, без кистей рук и в резиновых сапогах, и воспринимать истины по дядиному слову, и на слово.

Я быстро спустился по корням с Дивана и окунул ноги в густую шерстяную траву долины.

Можно было для скорости, конечно, поймать один из метеоритов и обуздать его, но я решил пройтись по свежему воздуху. К ночи в долине всегда свежел воздух, а сегодня ещё гулял сквозняк. Кроме того, меня немного колотило от собственной смелости. И я решил, что время вылечит. Потяну-ка я его.

Я хотел долго брести к горе Шкафу, много часов брести, и всё думать - думать о своей жизни, собираясь с духом... Но в том-то и состояла моя беда, что думать мне было не о чем! Вы представляете себе это состояние души, эту давно, с детства пустую мою жизнь, когда от скудости существования даже подумать не о чем?!

И я был вынужден поймать ночной метеорит. Он донёс меня до Шкафа в два счета - такая Давия маленькая. Часа за два её можно всю обойти ногами.

Возле подножия горы я спрыгнул вниз, слегка ударившись в темноте о землю.

Ну хорошо... А дальше что? Как найти мне вход в туннель?

Я прислушался к тишине и вдруг уловил недалеко от себя тихое завывание ветра.

Тут я сразу начал соображать быстро. Если ветер где-то гудит, значит, там должно быть отверстие! В ночи ничего не было видно - и я пошёл на звук. Чем громче он становился, тем сильнее порыв ветра, который хватал меня снизу за ноги и тянул вперёд.

Наконец я понял, что дыра где-то здесь. Меня уже просто куда-то засасывало. Странно, но днём я никогда не видел тут никакого отверстия с большой тягой. Должно быть, гулял постоянный ночной ветер.

Я сделал ещё шаг-другой, и меня повалило на землю ногами вперед, а потом и быстро потянуло в какой-то ход. Я скелет - китаец, я очень легкий. Мясные люди потяжелее меня будут.

Туннель под Шкафом оказался очень узким, едва по размерам одному человеку, вроде меня, но со скользкими стенками, обкатанными ветром. И вёл он не вниз, как можно было предполагать, а ровно по земле.

Струёй меня и вынесло очень скоро из-под Шкафа. И я с силой стукнулся ногами в ботинках о скалу. Кое-как поднялся с коленей и отошёл в сторону, прячась возле камней от сильных порывов воздуха. Ощупал руками выход из туннеля. Это была не труба. А скорее щель. Под Шкафом проходил какой-то деревянный забор, который закрывал его основание от любопытных взглядов. Но где-то, видимо, доска немного отошла и дребезжала, раскачиваемая. В эту щель я и угодил.

Так вот чем занималась Живулька по ночам, пока все мы спали! Она отыскала этот ход! И вот чем, наверное, она и вызвала недовольство дяди! Изысканиями, подобными моим. Но чем вызвано её любопытство? Её упрямые поиски? О чём она заподозрила?

Что мой дядя, а её отец - колдун? Ну и что? Это ещё само по себе не так уж плохо характеризует человека. Он просто или родился с этим умением или же его кто-то научил. Вопрос в том, на что он, дар свой необыкновенный, расходовал. Должно быть, не на хорошее, если Живулька начала следить за дядей и исследовать ещё прежде меня всякие закутки маленькой Давии.

... Судя по карте, под скалой, к которой меня вынесло, тоже должен быть ход. Эта скала несколько отличалась от остальных трёх. Те были белыми, а эта желтой. Если по ней постучать, звук не тонул в её каменных, плотных дебрях. А отзывался глухим звоном, словно она была деревянная. Я всегда думал, глядя на неё: "Какую красоту создала природа!" Эта скала вся была в узорах, причём пропорциональных. Дядя звал её Дверь...

Что за странное слово! Почему Дверь? В Давии не было ни одной двери. Я даже и не знал, что это такое. А дядя почему-то именно от этой скалы нас и гнал обычно. Даже насыпал чего-то перед ней, сотворив высокий ров. Давно

он это сделал. Я даже и не помню когда. Поэтому я не понимал, зачем карта привела меня именно сюда.

Непроходимое, дикое место! И тут гулял холодный ветер. Я даже продрог.

И вдруг, вместо того, чтобы искать проход, я опять размечтался. А что если у меня есть дар спокойно проходить сквозь любые стены, хотя я этим никогда не пользовался? Должны ведь и у меня быть какие-нибудь дарования! Не может быть, чтобы я появился на свет пустозвоном, бездарем, просто тоненьким и маленьким скелетиком, внутри которого одна мрачная пустота...

Я всегда так ясно чувствовал, что не родился для жизни в Давии! Иногда делился этими предчувствиями с Бурым. Тот бурчал в ответ, низко опустив голову, что я фантазёр. Мол, как же я не родился для этой жизни, если родился именно в Давии. И вообще, надо благодарить судьбу за то, что ты не раб чей-то, а принц! Не каждому так повезло. Вот ему не повезло. И библиотекаря - коту тоже. Они просто Друг и Королевский Библиотекарь. И я смирился, сдавался и благодарил судьбу, тоже низко склоняя голову.

Не знаю, откуда бралось во мне это ощущение, что моя Давия не моя, что я родился для чего-то более широкого и бескрайнего. И я действительно стыдился своих предположений, когда видел, что Груша, например, вполне довольна своей жизнью. Сидит на уроках смирно и записывает в тетрадь хрюканье нашего учителя. По-своему доволен жизнью и Бурый. Часто берёт в библиотеке книги и с увлечением, высунув пластмассовый язык, рассматривает картинки. Впрочем, спроси его: "А что тут нарисовано?", он и не скажет. Бурому, кажется, только нравился сам процесс ощущать себя человеком и вести себя как человек. Ведь дядя часто говорил ему: "И ты теперь человек!", хотя друг мой всё равно был медведем.

У Лепетайло же вечно голова кружилась от счастья, что он с утра до позднего вечера занимает такую учёную должность! Правда, сам он так и не прочёл в своей жизни ни одной книги. А вот полежать на них, помахивая хвостом, он любил. Он блаженствовал на книгах, сметая с них пыль, ухаживая за ними, их облизывая! А потом ещё и хвастал передо мной, явно ожидая похвалы: "Сегодня полежал на такой интересной книге! Попу не мог от неё оторвать! Три часа лежал, пока не отлежал все бока! Ух, и интересная книга! Очень пухлая!"

И только вредная Живулька вечно раздражалась на жизнь, которую мы вели. Она не жаловалась и не ворчала. Но по взглядам, которые она кидала на дядю, можно было понять, что она ненавидит его за что-то. А по взглядам, что она кидала на нас, можно было думать, что она и нас ненавидит. Может быть, за наше смирение, терпение и доверчивость, как я только сейчас начинаю понимать.

Она вообще-то была старше нас всех. Не знаю, сколько ей лет. Похожая на пластмассовую куклу с резкими чертами лица, она едва ли выглядела старше меня, например. Ведь по моему черепу вообще не поймёшь, сколько мне лет. Так же невозможно было понять, какой год шёл Понуре, Лепетайло и

Бурому. Только Груша выглядела необыкновенно свежо, и лет на четырнадцать.

Что же касается меня, я и тут верил дяде на слово. Мне скоро минет четырнадцать с половиной.

В общем, я стеснялся своего внутреннего недовольства жизнью, а Живулька не стеснялась. Должно быть, она давно уже в тайне ото всех предпринимала попытки каким-то образом покинуть Давию, вырваться из неё. И теперь желала привлечь к своим планам и меня.

Ох, не отсюда ли и название это взялось - Давия? От жестокого слова “подавлять”?

Хорошо мне было в раннем детстве, когда я жил как во сне, ни о чём не задумываясь! Я не вспоминал прошлого. Я ни о чём не мечтал. Я жил одним днём, одной минутой, как бактерия какая -нибудь, и был вечно счастлив. Поступал так, как требовал дядя: ходил в школу, ел, пил чай, пытался пронзять чужие умы, листал книги на не понятном мне письменном человеческом языке, рассматривал картинки с Бурым и лежал на книгах вместе с Лепетайло. Играл в молчанку с Грушей и дразнил Живульку...

И вот сейчас, этой ночью и все последние дни, я впервые задумался о ценности такой жизни.

И стал вдруг постигать, что такая жизнь, хотя и может продолжаться целую вечность, продолжаться больше не должна уже. Слишком пуста она была. Слишком не определена для меня. Я не ведал смысла её. Не видел целей.

Пить, есть, ходить в школу в Давии - всё равно было как сеять семена в землю, заведомо зная, что эти семена мёртвые. Можно было упорно производить традиционные действия: вскапывание земли, поливку семени остатками чая, посыпание удобрениями, окучивание - одна видимость действия. А потом просыпаться утром и каждый день понимать, что всё это было как во сне, совершенно бездарно. И сам сон уже отошёл в прошлое...

Ну, хорошо, стану я королём. И опять никакой деятельности. Потому что нас мало, мы слишком закрыто живём, и каждый у нас по себе и за себя - король Давии был не нужен!.. А если я женюсь?.. На Груше? Только на Груше я и мог жениться. Живулька злая и всё время хочет убежать. Честно говоря, я даже сомневаюсь, что у скелета - китайца могут родиться дети. И потом кот как-то однажды сказал мне, что китайцы народ древний и особенный. На ком бы они не женились: на кошке или на собаке - всё равно у них одни китайцы рождаются. Скелеты, значит.

Нет, я хоть и был скелетом, а сил во мне было слишком много. Чтобы только чай пить да всю жизнь чьё-то несвязное хрюканье слышать. Вот почему я стал приходить к мнению, что роился для какой-то иной жизни, чем веду.

Эти размышления придали мне наконец столько усердия на пути моих поисков нового туннеля, что вдруг я вправду увидел маленький лучик света! Он был такой рассеянный! Такой неприметный! И - в то время когда бог Люстра спал на небе?! Удивительно!

Или это тоже отсветы Фар? Далёких выстрелов? Но тогда, значит, и тут где-то проходил ход, который вёл к уже виденной мне однажды чужой стране!

Меня это так обрадовало, что я опять перестал думать, будто она мне только привиделась. И получалось, что дядя мой терпел поражение. Я всё равно увижу иную страну, хотя и приду к ней окольным путём!

Отсветы то появлялись, то пропадали. Иногда им сопутствовал какой-то смутный шум. И я, раз уловив направление луча, пошёл по нему. Потом он спрятался, и я остановился. Но затем он появился опять. И я опять тронулся в путь по нему, как по стрелке. Иногда он бегал от меня, оборачиваясь полукругом. Но легкий отдаленный шум и какой-то скрип и тогда не исчезали. И я шёл на звуки. И шёл правильно. Потому дорога привела меня в конечном итоге ещё к одной норе.

Это была очень маленькая дырка, узенький туннельчик, явно кем-то вырытый в глубине вала, построенного дядей и укрепленного досками. Я, даже не задумываясь, нырнул в него, но не упал, не провалился, не покатился куда-то, а пополз на животе, по прямой. И вскоре вышел впритык к Двери.

Что делать дальше? Высоченный монолит Двери стоял - с места не стронешь!

И тут какая-то раскачивавшаяся на ветру леска стукнула меня по носу. Я механически схватился за неё - она вела куда-то вверх. Это показалось мне необычным. Потому что я столько раз до этого присматривался к Двери, но никакой лески перед ней видел! Должно быть, к утру её убрали. Но кто? Вероятно, тот, кто сбросил её мне сегодняшней ночью.

Колени мои задрожали, когда я представил себе этого "кого-то". Кто он? А вдруг житель другой страны?! Вот было бы здорово с ним познакомиться! Я и не думал, что так соскучился по людям!

В волнении ухватился я за леску покрепче и полез по ней. Я вполне мог свалиться, соскользнув на землю, но мне помогли вившиеся неподалёку... серебряные дядины осы.

Сначала я испугался, увидев их. Подумал, что дядя спохватился и уже ищет меня! Но потом понял, что он выпускал на ночь ос посторожить Дверь. Они слушались дядю, но сами по себе были беспомощны, без команды. Вились. И помалкивали. Пока дядя спал. И я уже осмелел настолько, что воспользовался ими как лесенкой! Иногда я отталкивался от них, чтобы забраться повыше. Должно быть, они летали тут больше для устрашения.

Наконец леска кончилась. Она была привязана к какому-то железному крюку, вбитому в Дверь; а под крюком было маленькое отверстие, невидимое с земли. Сюда-то и привела меня моя дорога, начерченная на карте.

Я вскочил на что-то твёрдое и, упираясь руками, с трудом, протиснулся в дыру, оббитую холодным гладким металлом.

Сердце моё замерло в предвкушении необыкновенных открытий.

И когда я показался из дыры и взглянул вокруг себя, всё во мне запело. Моя пустота запела.

Предо мной действительно лежала в светлой ночи громадная, очень спокойная серо-коричневая страна. Новые оттенки жемчужно серого и глубоко, мягко коричневого.

В целом страна была квадратна. С углами строго прямыми и темными, плохо просматриваемыми. Так что казалось: кто-то большой в темном одеянии привалился к ним и замер в своём сне. Но храпы не раздавались, и я подумал, что, верно, здесь живут не великаны. Они бы тут не уместились. А тишина оттого, что все местные обитатели этой маленькой страны где-то на земле, и они спят. А сами такие же крохи, как и я.

Но я ошибся. Однако об этом в своё время... И тут, конечно, возвышались скалы и горы вроде наших. Но удивительно было не это. А то, что одна скала, прямо передо мной, но в отдалении, была ниже остальных, и примерно от середины к небу в ней что-то ослепительно сияло. Какой-то громадный круг источал сразу столько света, что он предутренне освещал всю верхнюю часть страны.

Свет... Свет... Как любил я, оказывается, свет!...

Я смотрел на него, сочившегося широкой пеленой, и вздыхал, вздыхал. Ахал и охал сладостно.

Свет этот отличался от дневного очень многим. Во-первых, он исходил не от Бога Люстры, которого в этой стране, наверное, не почитали. Не сверху, с неба. А со стороны. Во-вторых, свет этот был не желтым и домашним. А возвышенно голубоватым и призрачно белым, очень ясным. И исходил от далекого круглого и внушительно большого живого предмета, неподвижно стоявшего в атмосфере чужой страны. Луна - почему-то пришло мне на ум незнакомое слово. Мне захотелось назвать луной этот загадочный источник света.

Свет придал мне силы. Он словно и меня наполнил. Хотя по-настоящему наполнить меня было невозможно, я весь был дырявый, в щелях, как забор.

И луна магнитно потянула меня к себе. Я задумался о том: не голова ли это моего Волшебника. Вот было бы здорово, если бы я его не выдумал. А он на самом деле существовал! Мне захотелось приблизиться к луне, чтобы рассмотреть её получше.

Пылевых метеоритов тут было ничуть не меньше, чем в нашей стране. Я подождал, пока один из них приблизится ко мне, и вскочил на него, спрыгнул довольно ловко.

Но он почему-то не захотел нести меня параллельно земли, чуть кверху, и начал резко спускаться вниз. Что ж, придётся добираться до источника света своими ногами!

С великой осторожностью ступил я на неизвестную мне землю. Вдруг тут живут аборигены - скелетоеды? О которых иногда рассказывал мне дядя. Что, мол, ими земля вокруг Давии полнится. Они и великана путешественника Магеллана съели, открывшего перед тем множество стран. В том числе страны Туалетию, Кладовию и Балконию. Хотя Магеллан был не просто скелетом, а скелетом - великаном.

“Был этот Магеллан слишком любопытен, - говаривал не раз своё нравоучение дядя. - Остался бы дома пить чай, до сих пор был бы цел! Человеку чай дан во спасение! Мало ему, видите ли, одной Туалетии было, этому Магеллану - скелету!”

Земля в здешних местах походила на нашу. Тоже мягкая, шерстяная, с тёмными нарисованными цветами. И по всей её левой части, до самой горы, похожей на нашу гору Стол, только поменьше, лежали... трупы. Большие все, кто на боку, кто на спине, кто на брюхе... как поверженные в битве бойцы. Задрав ноги и раскидав руки. Да, я не сразу понял, что они все были мертвы, а когда понял это, испугался.

Разве это хорошо, однажды, наконец, после стольких трудностей вырваться к людям и вдруг понять, что они все, как один, мертвы?

Я живыми их хотел увидеть. А эти были холодными и твёрдыми. Вот я и плакал.

Неужели мой дядя был всё-таки прав, и тут прошло сражение?

Но если дядя прав в одном, он может быть прав и во всём остальном! Как трудно жить одним своим умом, без подсказок! Хотя ведь и подсказки бывают ложными!...

И вдруг мысли мои перебил какой-то нарастающий шум. И тут же всполохи бегущего света. Фар! Чёрт возьми!... Никакие это были не выстрелы! Потому что, если бы это были выстрелы, то слышались бы не только свист несущегося снаряда, но и взрыв! Каким бы необразованным я не был, но ведь понимал кое-что в войне! Я всё-таки мальчик!

Конечно, можно было предположить, что война шла не в этой долине, а за скалами, где много света. Но и оттуда не доносились взрывы, стоны и крики раненных и умирающих. Проехал по моему лицу свет Фар, и всё опять смолкло. Тишина. Мирная, покойная тишина. Так почему же эти люди мертвы?

И всё же - как здесь хорошо! Как далеко видно в свете сияющего за скалами и пределами страны круга, похожего на чью-то добрую голову!

Как спокойно жить, когда далеко видно! И когда не утыкаешься то и дело в горы со странными и причудливыми дядиными названиями: Стол, Кабинет, Стул, Шкаф, Диван, Сервант!

Гуляй, где хочешь! Только одно плохо - что я попал на кладбище!

Я быстрым шагом пошёл между телами убитых, каждый из которых был больше меня в десяток раз, толще и мощнее. Наконец наткнулся на одного такого и решил рассмотреть его получше. Здесь было ещё больше света. Мертвец напоминал мне моего друга Бурого. Только этот не был лысым. Видно, дядя мой сюда не хаживал!

Как же я удивился и остолбенел, когда одна из мёртвых неожиданно для меня... поднялась и пошла! Правда, она не была огромной! Но всё равно шла и одичало кричала: "Мама! Мама!" Ужас, как я испугался. А потом девочка остановилась и издевательски надо мной рассмеялась. Я так и сел на землю, вытирая пот.

А после испугался ещё больше. Потому что из-за спины этого резинового чудовища вышла смеющаяся... Живулька!

Я сразу понял, что это она каким-то образом заставила мертвую идти, надвигаясь на меня тучей. Специально, чтобы испугать. Штучки вполне в её духе! Подбрасывала же она дяде свои бородавки!

- Это куклы, дурачок! А не мертвые. Не может умереть тот, кто никогда не был жив! Впрочем, откуда тебе знать это! Если ты не знаешь разницы между игрушками и живыми людьми!

- И давно ты тут? - Спросил я Живулька, когда пришёл в себя.

Я больше не удивлялся, что встретил её тут: ведь это она меня сюда и пригласила.

А Живулька опять вела себя так, словно ничуть не была слепой, только глаза у неё по-прежнему были закрыты. А почему? Ведь в этой стране, слава Люстре, было на что посмотреть!

Тогда я и решил спросить её напрямик:

- Почему твои глаза вечно закрыты?

Она перестала кривляться и, наконец-то, ответила мне с той сердечной, чуть грустной простотой, которая, я всегда это чувствовал, была ей присуща:

- Дядя забрал мои глаза.

Я так и знал! Я стукнул о землю костяной ногой в настоящей досаде.

- Но почему ты не сказала мне об этом раньше! Почему вредничала и таилась?!

- Эх, Скелетус! Ты даже и не представляешь себе, как твой дядя опасен! Он похож на паука, который сидит на паутине! У него ко всем нам, жителям Давии, есть свой ключик. Он всё про нас откуда-то узнает совершенно точно и руководит нами умело!

Она была очень хороша собой сейчас, окруженная сероватым серебристым светом луны. И её странной родинки между бровей было не видно. И бородавок на руках. Ночь меняла наш уродливый облик, потому что была на нашей стороне. Может быть, она и меня сейчас делала прекрасным.

- Но ты не производишь впечатление слепой, - заметил я не без надежды. Если девочка ничего не видит, так пусть хоть слышит мой голос, полный благодарности ей за то, что она показала мне путь в эту чудесную страну, расширила границы моего мира, моего обитания!

- А я и не слепая, - усмехнулась Живулька гордо. - Вот эта родинка между бровей мне всё показывает. Это мой третий глаз, если так можно сказать.

Я ахнул.

- Так это не бородавка?

- Нет. Но дядя не знает об этом глазе.

И всё-таки третий глаз - это нечто противоестественное. Значит, Живулька, как и я, родилась уродливой?

- Нет. - Отвечала девочка. - Я этот глаз приобрела не так уж и давно, лет девять назад. А вот дядя действительно хотел меня изуродовать, как он изуродовал и Бурого.

- Но зачем ему это?

- Чтобы мы друг друга не любили! Чтобы не могли спясться! Объединиться против него! Вот он и насажал на меня бородавок!

- А почему тогда Груша у нас красавица?

- И она уродлива, - нахмурилась Живулька. - Только это в глаза не бросается.

Я не стал спорить с несчастной девочкой, потому что думал, что она просто ревнует меня к Груше, завидует ей. Вот и наговаривает. К тому же мне сейчас были интересны совсем другие вопросы:

- Откуда ты взяла эту родинку - глаз?

Но Живулька ответила на вопрос вопросом:

- Это ты откапал фотографию под двумя деревьями?

- Я. Только я не знал, что ...фото... графия...

- Ну и хорошо. А я уж думала, что это дядя.

- Почему ты называешь его моим дядей, а не своим отцом?

- Потому что я думаю, что он мне не отец. Слишком плохо он ко мне относится.

- Ну, это не объяснение. Он мне дядя, но с некоторых пор я не могу с уверенностью сказать, что он не желает зла и мне.

Живулька молчала. Наконец она в отчаянии произнесла:

- Да понимаешь ли ты, принц Скелетус, что наш разговор может привести нас к катастрофе? Что наше осуждение дяди выйдет нам боком? Почему я должна быть откровенной с тобой и рисковать своей жизнью? Скажи мне на милость?

Я понял, что она по-прежнему мне не доверяет. И она тут же объяснила почему:

- Ты - наследный принц. Возможно, дядя побоится наказывать тебя сурово. А я - просто и сама уже не знаю кто... У меня нет защиты. Отнял же он у меня глаза!.. А что если дядя в целях пресечения смуты, которую мы с тобой затеваем, захочет устроить показательную публичную казнь? Поставил же он тебя на горюх. А меня он может убить...

Я в растерянности пожал плечами. Как не верила мне девочка, так не верил пока что и я в то, что дядя совсем, ну ни грамма, меня больше не любит и способен лишить жизни.

- А не шутишь ли ты, что дядя забрал у тебя глаза?

- Как можно шутить подобными вещами!?! Они у него! Я даже догадываюсь, зачем! Глядя в них, он завтра уже с утра увидит и эту нашу встречу и услышит наш ночной разговор! Так что берегись! Связался со мной - приготовься к страшному!

Я вздрогнул. Потому что вспомнил свою недавнюю беседу с Бурым. Он тоже говорил мне, что через срезанные с его головы волосы дядя узнает о наших тайных переговорах.

Я задумался. Выходило, что дядя нас всех боялся? Но почему?! Что плохого мы могли ему сделать? Лишить его министерских постов?! Вот уж большая была бы потеря для него! Всё равно он был единственным взрослым, и мы бы его слушались, даже если бы он служил у нас дворником!

Я высказал свои соображения Живульке. Но она покачала головой.

- Какой бы маленькой ни была твоя страна, нельзя разбрасываться собственностью! Не отдавай её дяде! Самое ужасное, когда у человека уже

ничего нет! Всё отнято! Когда у него всё отнято, нетрудно отнять у него и последнее - жизнь!

Я произнёс в сердцах:

- А я бы с радостью отдал дяде Давию! Моя страна мне больше невыносима! Такая маленькая! Ничтожная! И что из того, что это моя родина?! Если я, если только захочу, могу стать гражданином целого мира?

- Нет, нет, - сердилась на меня Живулька. - Вижу я, что ты ещё совсем мальчишка! Если не дорожишь своим тронem и своим государством. Так как могу я доверить тебе свою жизнь? А? Рассказав всё, что знаю!.. Хотя знаю я немного, - тут же добавила она, словно специально для дяди, если он, конечно, мог услышать завтра наш разговор. - Совсем - совсем ничего не знаю, - пропела девочка и заторопилась: Мне пора в постельку.

- Но скажи хотя бы, кто эти люди на фотографии?

- Мои родители.

- Родители! - Я схватился за череп. - Но где же они?

- Наверное, путешествуют, как и родители дяди, как твои родители...

Но я сомневался.

- Не понимаю, как могли они бросить нас так надолго?

- Вот и я тоже не понимаю, - спокойно ответила девочка. - А хотела бы понять. В общем, я пошла. А ты можешь ещё ненадолго тут остаться, - предложила Живулька.

- Зачем?

- Я знаю, как волнует твоё несуществующее сердце всё иноземное, - улыбнулась она. - Ты - романтик.

- А кто такой романтик?

- Это всё равно, что поэт.

Я не мог не согласиться. Да, я поэт.

- Но только обязательно поскорее возвращайся, - вдруг попросила она очень доверительным тоном. - Обязательно! - Она вложила ещё немного силы в свою просьбу.

Я кивнул, помня, что она видит своей родинкой всё, что я делаю. Но откуда эта родинка у неё взялась? Вот вопрос! Выходит, Живулька тоже знакома немного с колдовством? И только один я не имею в себе этой силы. Я - обыкновенен. Как это ужасно!!.. И это делало мою жизнь в Давии ещё более не интересной!

- А вернёшься так же, как и пришёл. Леску можешь оставить на прежнем месте, где она и висит. Она прозрачная. Её издали не видно.

Я захотел на прощание поцеловать Живульку: такой родной и милой она мне показалась. Но я не был уверен, что ей будет приятен поцелуй скелета. И просто помахал ей костлявой пятернёй.

Знал бы я тогда, что потом долго ещё не увижу девочку.

Глава 6. Волшебник.

Я провожал девочку глазами до тех пор, пока она стала незаметна в темноте. Даже её золотистый пояс.

А я остался стоять на поле среди игрушек - великанов.

В этой стране было тихо, тепло и уютно. Ночь, блестящего стального цвета, и пахло пылью. Мне жалко было покидать этот безмолвный мир. Но почему? Мне казалось, что он тоже принадлежит мне, хотя я его и не завоевал.

Странное чувство!

Я как будто бывал здесь прежде, и даже проводил ночи. Вот в углу этой тряпичной горы вдоль скалы, может быть. Я лежал когда-то тут и даже не мечтал, у меня были в ту пору ещё слишком коротенькие мысли. И я даже не любил мир этой маленькой квадратной страны, я просто им некогда владел. Я узнавал свет, льющийся в спящую долину свысока, различал знакомые тени гор и силуэты Полок... В меня возвращались давно забытые чувства - ожидание, что жизнь начнётся в этой комнате, когда войдёт в неё поутру мама.

Но должно быть, мне это только казалось. Так случается иногда с людьми. Если чем-то или кем-то очень хочешь обладать, возникает ложная уверенность в том, что эта собственность давно уже твоя. Мамы я совершенно не помнил, а что такое комната - не ведал. Просто вырвалось у меня это слово, и всё.

Было время, когда я всем хотел радостно рассказывать: "Груша - моя!" Только потому, что был влюблён в неё. Мне и казалось, что она моя. А теперь я хотел всем говорить: "Эта страна - моя", только потому, что мне здесь было хорошо.

Но где, всё-таки, жители этой чудесной страны? Вдруг заметил я большой портрет, высоко над землей. Он был прибит к одной из скал, прямо по середине. А под ним был поставлен Стол, вроде нашего, давского. Я подошел поближе, и луна высветила мне милое лицо какого-то напуганного ребенка - великана.

И прелестного ребёнка! Что за красавчик был этот мальчик - великан! Какие у него были умные и ясные глаза! Правда, и в темноте было заметно, что он недавно плакал. Маленький носик у него темнее его пухлых щёк. Светлые волосы над ушами вились крупными кольцами. Он, наверное, испугался художника, который делал эту фото...графию. Вот бы и мне таким когда-нибудь стать!... Я вздохнул. А если бы кто сообразил написать мой портрет, я бы издал специальный указать его не вешать! Зачем народ пугать понапрасну?

Я махнул мальчику рукой и решил, что пора подобраться поближе к льющемуся свету, чтобы рассмотреть его получше.

Тут уж я не стал долго раздумывать, обуздал метеорит и, размахивая лапами старенького пиджака, в котором обычно спал, поднялся туда, куда хотел.

Здесь была такая же ниша, как и в том месте, где стояли Два Дерева. Только скала не поднималась высоко.

Со всех ног кинулся я пересекать площадку перед окном, как вдруг - бац! - ударился обо что-то головой. Вот чудно! Воздух тут был твердым, хотя и прозрачным. Ну да мне всё равно! Лишь бы сквозь него можно было что-нибудь увидеть.

И я, прижавшись к нему, холодному, черепом, увидел. Я увидел!

Всё задрожало внутри меня от жадности. Я так хотел познать жизнь, которая мне была пока что неизвестна. И такая радость вдруг в меня хлынула, что по щекам заструились слёзы. Слёзы тоже лились от жадности.

Когда я смотрел на этот круг издали, я сравнил его в головой. Но нет, теперь мне хотелось сравнивать его с оком, тёплым, поэтическим, слегка, молочно затуманенным. Оно не было идеально круглым, что создавало иллюзию того, что человек обращен к нам профилем. И там, где глаз был подрезан, чудилось, пролегла тень, словно от густых ресниц. Волшебник!... Неужели это было его ночное лицо?

Необязательно. Возможно, то было не око вовсе, а ночной свет лампы в его небесной долине. И тогда, значит, волшебник этот специально зажигал свою Люстру, чтобы осветить таким ночным путникам, как я. Волшебник был добрым.

А вокруг светящегося окошка были дорогими крошками серебра набросаны многочисленные глазки, похожие на дядиных ос. Волшебник был глазастым. Что ж, если так, значит, он специально завёл себе много глаз, чтобы всё видеть.

Дядя тоже хотел всё знать. Но и Волшебник был не промах. А раз так, он мог спокойно быть и в курсе моих бед. А столько огня на небе он развёл для того, чтобы дать знать несчастным, что он знает о нас и мы должны не терять надежды.

И вдруг что-то ударило перед самым моим черепом, в стеклянный воздух между мной и волшебником. Я отскочил. Но это была только вода. Первый раз в жизни видел я, чтобы вода была не в стакане и желтая, чаевая, а прозрачная, чистая, и стекала бы длинной и тонкой струйкой, похожей на приветливую руку. Не слёзы это, слёз так много проистекать из глаз не может, а множество рук, протянутых ко мне издали, от моего далёкого друга - Волшебника, который стучал и стучал, словно косточкой согнутого пальца по стеклу, давая мне понять, что он никогда не спит и вечно стережет от колдунов таких мальчиков, как я.

Тогда я тоже постучал ему костяшкой своего пальца. Пусть знает, что я всё же стал свидетелем его присутствия в мире, и что поэтому мне сразу стало лучше!

А руки всё тарабанили и тарабанили по прозрачному разделу двух миров, доброго Волшебника и сердитого дяди, и возникала музыка. И вдруг я словно услышал голос самой комнаты, запевшей мне под стук воды: “су-тёмки”, то есть потёмки, вот как сейчас, “мо-рок” - мгла, туман, “по-мо-рок” -

мелкий дождь, “хма-рит” - делается ненастье, “на-хму-рит-ся сен-тя-брём”, “мор-га-ни-син-ни-ца” - сумрачная, осенняя погода.

И мне стало казаться, что всё это сообщал мне через тысячи километров Волшебник. Он словно сорвал во мне какую-то пломбу с крепко запечатанной двери, и что-то поднял с самого дна моей памяти. Я вспомнил, что моя мама изучала слова. Как те, что рождались сегодня, так и полузабытые народами. Эх, если бы ещё Волшебник указал мне, где странствую мои родители! Подал мне о них весточку!

И кто же тогда я сам? Явился невольно ко мне этот щекочущий душу вопрос. И ведь знаю: будет теперь жестоко щекотать, пока не отвечу на него.

Может быть, ощущение, что я родился для какой-то иной жизни, что эта квадратная страна и иностранные слова между собою связаны?

Одни вопросы! Я даже рассердился на свою неспособность ответить на них.

Вот бы выбраться отсюда наружу! И ничего, что льёт. Выбраться и пойти на чужое небо - искать хижину Волшебника. Может быть, узнаю я, пребывая на стороне, кто я есть.

И, всё ещё в романтическом томлении глядя на льющуюся за прозрачной преградой воду, я невольно потянулся рукой за платочком, которое подарила мне только что на прощание Живулька. Уходя, она сказала: “Следи за ним. Он не простой. Если на платке появится кровь, значит, наш сегодняшний разговор узнал дядя”.

Я пошевелил платочком, лаская пальцами его шелковую и гладкую материю. И подумал, что всё-таки не покину свою страну, пока в ней остаётся Живулька. Я мог уйти, разбив камнем прозрачную стену, пока в Давии остаются глаза Живульки. Сначала ей нужно их вернуть... А потом... Там видно будет.

И вдруг я в удивлении почувствовал, как платок становится мокрым. Я уставился на него и увидел на нём чёрное расплзающееся пятно!

Что?! Что это? Кровь? Кровь выступила на платке? Так скоро?

Беда! Я подскочил и ринулся в одну сторону, потом в другую, мечтая как можно быстрее оказаться возле Двух Деревьев и навестить девочку. Значило ли пятно крови, что дядя увидел в своих снах нашу встречу и арестовал бедную Живульку?

Скорее всего, она была права, говоря мне о том, что глаза её, перенесённые дядей на веер и помещенные рядом с павлиньими глазками, могут шпионить за нами!

В общем, я решил возвращаться.

Я летел домой стрелой. А когда поднялся к Двум Деревьям со стороны Двери - этот проход не был заколдован дядей, я увидел, что он меня уже подстерегает. Дяд вышел из-за глиняного горшка и строго на меня посмотрел:

- Не хочу спрашивать тебя о том, где ты был этой ночью. Хотя покидать Давию по ночам запрещено всем и каждому. Я хочу лишь сказать тебе то, что давно должен был объяснить: я и вправду не отец Живульке. Она в этом права. Но она сделала совершенно не верные выводы из своего открытия.

Голос дяди звучал так вразумительно, им руководила такая чёткая логика, что я невольно прислушивался, примиряясь с ним и начиная стыдиться своего недоверия к нему.

- ... Не так давно мне стало известно, что девочка прячет от меня в земле фотографию. Она без спросу забралась в мой Кабинет и похитила из-под замка то, что не имеет к ней ровно никакого отношения.

Противная девчонка решила, что портрет изображал самых близких ей людей: отца и мать. Но она была на права. Это мои родители! Уловив некую чисто внешнюю общность между собой и ими, она ничего не рассказала мне о своих подозрениях и зарыла портрет под цветами! Мало того, она начала ввергать в искус непослушания и тебя! А ведь ты - наследный принц! С тебя все будут брать пример! Если ты будешь слушаться дядю, дядю будут слушать и остальные! А я думаю, что он заслужил это.

Я невольно кивнул. Дядя увлекал меня своими речами. Мне почему-то хотелось ему поддакивать. Может быть, потому, что я был человеком отходчивым и миролюбивым? Но до какой степени? Борясь с сонливостью, я встряхнул головой и спросил откровенно:

- Где Живулька?

Но дядя меня опять словно не услышал. Он твердил своё:

- Как гласили заповеди предков наших, послушание родителям всегда служило прологом человеческому успеху. Фотография и ввергла девочку в страшное несчастье!

- Что? - Я даже раскрыл рот.

- Лишь после того, как Живулька похитила у меня портрет моих родителей, до меня дошло грустное известие, что они погибли. Ни папа, ни мама уже никогда не вернутся из своего далёкого путешествия.

Вот как? Я посмотрел на дядю с сочувствием.

- Эти люди - мертвецы! Такова грустная истина о них! И, к сожалению, не вся. Я тут на досуге полистал кое-какие книги по ворожбе... Книги, великие книги мудрых, они сказали мне: первый, кто посмотрит на фотографию умерших, уйдёт вслед за ними. С фотографией они бросают взгляд последний и полный страшного отчаяния: кого бы забрать с собой. Вот почему я всегда твердил о вреде фотографий и всяческих портретов предков. Не дано знать историю тому, кто не может защититься от влияния её злых чар! Ибо любая история окружена магией.

- Я не понимаю, - прошептал я, - что с Живулькой.

- Беда, - сухо констатировал дядя. - С магии всё начинается. Ею всё и заканчивается... - Звучал как приговор его голос. - Они пришли сегодня ночью, что бы забрать её с собой в свою могилу.

- А что такое могила? - чуть не плача спросил я.

- Надо слушать уроки Понуры, - недовольно подрезал меня дядя. - Он должен был прочитать вам пять лекции о могилах самого разного вида!

- Да, да, - рассеянно лепетал я. - Возможно... он что-то... хрюкал и о могилах... - Я чувствовал, что мои силы на исходе. Я почти не спал этой ночью, а тут ещё на меня свалилось такое ужасное известие.

- Они пришли ночью, но не застали её. Она куда-то уходила. Но мёртвым ли не знать тайны живых? Живым ли скрыться от мёртвых?

Они подкараулили её и увели с собой! Только что.

- Увели? - крикнул я. Кого увели? Нежели ту, что могла стать мне лучшим моим другом? Самого интересного друга в моей жизни. Таинственного и прекрасного друга, каким никогда не были и не могли быть ни Лепетайло, ни Бурый.

- Могила, - назидал над моим низко опущенным черепом дядя, - это квартира покойника. Его последняя квартира. В общем, - тут голос дяди почему-то задрожал, - если кто-нибудь и когда-нибудь в Давии скажет тебе, что это я погубил Живульку, не верь! Это сделали мои родные покойные родители! НЕ знаю, полюбилась ли им эта скверная девчонка, но они вернули её себе. Вместо меня. Вот и всё, и ничего страшного.

- И всё равно это противоестественно! - Упрямо прошептал я.

Но дядя меня не слушал, он отчеканил свою речь и ушёл. А я сел возле кадки с нашими единственными Деревьями и горько заплакал. Вот и пришла смерть в Давию. А я, как наследник престола, ничего не мог с ней поделаться! Не мог никаким приказом отменить её. Видимо, смерть была во много раз сильнее любого императора.

И с этого дня что-то будто бы надломилось во мне. Я стал вялым, слабым, равнодушным и сговорчивым. Я перестал с кем-либо спорить, что-либо новое узнавать, перестал кому-либо сопротивляться.

А тут ещё Груша и усилила свои атаки на меня!

Так и норовила она наступить мне на ногу при встрече, чтобы, по примете, пройти по жизни вместе со мной. Иногда она с лукавой улыбкой грозила мне: "Быть тебе у меня под каблуком!", и давила мне ноги каблуками.

А когда она навещала меня, словно заболевшего, в моём углу, уходя, она каждый раз задевала плечом скалу, у изголовья моей постели. Так она давала мне знать, что я должен ждать её возвращения, потому что она хочет вернуться. Это были те легкие приёмы ворожбы и гипноза, которым, видимо, обучил её мой дядя.

Но потом её внимание ко мне стало ещё более навязчивым. Находя меня повсюду, где бы я от неё и остальных не спрятался, она настойчиво просила: "Завяжи, завяжи мне глаза!" - "Да зачем? - Слабо возражал я. - В кошки-мышки я с тобой всё равно играть не буду. Мне всё грустно как-то. И даже хочется плакать!" - "А вот завяжи! - Шутя требовала девочка, словно не замечая моего настроения. - Если я, раскрученная, пойду после этого к Дверям, значит, быть мне в этом году замужем!"

Её мысли о замужестве, её намёки на то, что она хочет быть замужем за мной, не то, что бесили меня - болезнь моя протекала вяло и меня делала полуживым - а, скорее, тревожили. Я видел в них не обещание будущего счастья. А, наоборот, одни путы да тяготы душевные. Словно это не на Грушеньке мне нужно было жениться в скором времени, а подписать договор с дядей и жить вечно под его неусыпным контролем.

Я ни капли не сомневался в том, что Груша меня не любит. Потому что не за что было меня любить. И то, что она кривила душой и притворялась влюбленной и восторженной, было глубоко противно мне. За спиной Грушеньки стоял дядя - это он хотел поженить нас. Поэтому с самого нашего детства и величал нас “женихом” и “невестой”. Но если раньше мне, уродцу, это необыкновенно льстило, теперь, пугало. Да и вообще приводило в недоумение: зачем дяде наш брак. Видел он, что ли, в своих мечтах дочь будущей королевой? Мечталось ему её прекрасным и самым выгодным образом пристроить?

Не знаю, может быть, дело было в этом. Но в последнее время ценность моих владений в моих глазницах так низко пала, что я не понимал, почему дядя может жадно хвататься за них, принося в жертву алчности свою родную дочь. На мой взгляд, гораздо большую цену имели знания, открытия человеческие и доброта чистого сердца...

И всё же, когда Груша однажды уже напрямую спросила меня: “Хочешь ли ты видеть меня своей женой?”, я задержал дыхание, потом с грустью вспомнил, что Живульку уже не вернёшь, и ответил “да”. Я был болен. А из больного человека можно было вырвать согласие на что угодно.

А Груша была так красива!

Подданных у меня стало меньше на одного человека. Как я не мог любить то небольшое, что всё ещё дарила мне Давия, если в своём разочаровании находил одну отраду - любоваться крохами красоты мира сего?

Мы принялись готовиться к свадьбе. Дядя был так доволен моим согласием, что принял в стирку мой костюм, сам где-то выстирал его и выгладил. И пообещал, что Груша будет в этот день в платье поистине роскошном.

Произошло некоторое оживление во всей нашей государственной жизни. Бурый и Лепетайло готовили мне подарки. Видя эту легкую суету, я стал понемногу улыбаться. Потому что перед тем страшно переживал, что моя болезнь внесла скуку и в жизнь моих друзей. Но когда я снимал с себя костюм, в котором ходил обычно - мой единственный костюм, чтобы отдать его дяде, я выронил из кармана платок, на котором чудесным образом запеклась кровь Живульки. Я поднял его и невольно заплакал. Тут-то я и понял, что, собственно, потому и решился жениться на милой Грушеньке, чтобы навсегда вычеркнуть из моего сердца слепую мою подружку.

Плакать ушёл я подальше в горы. Сел за выступом. Тут-то и застал меня Бурый. Он увидел в руках у меня платок, и, конечно, спросил, в чём причина моих слёз.

Я приготовил ножницы и, рассказав ему всё, что знал о пропаже девочки, тут же снял в шевелюры друга верхние кончики волос. Я не хотел, чтобы дядя что-либо узнал.

А Бурый вдруг тяжело завздыхал, заохал и принялся тяжело рядом со мной возиться и топтаться. И, наконец, он сказал:

- Я хотел приготовить тебе на свадьбу один подарок. Очень дорогой и красивый. Но раз ты так тоскуешь по Живулке, я сделаю тебе другой подарок.

И больше меня о подарках не проси. Я и сам гол как сокол. В нашем бедном королевстве все, как один, оборванцы.

Впервые звучало в речи Бурого недовольство жизнью. И то, видно, только потому, что я всё ещё сидел с ножницами в руках.

- Вот что, брат, - сказал он мне угрюмо. - Я не знал, что Живулька дорога тебе. Я думал, что она всё ещё противна тебе, как прежде, и поэтому ты женишься на другой.

Я покачал головой, потом рассказал другу о своём путешествии в соседнюю страну и после этого ещё раз его постриг.

- Она успела стать мне другом!

- Тогда тебе надо кое-что послушать.

- Когда? - Спросил я без всякой надежды на облегчение.

- Да прямо сейчас.

И мой скуповатый на слова и подарки друг повёл меня тайными тропами к горе Сервант.

- То, что ты хочешь мне дать послушать, как-то связано с Живулькой? - Спросил я.

- Да.

- Тогда почему ты не говорил мне этого раньше? - Удивился я.

- Я думаю потому, что твой дядя через мои волосы как-то управляет мной. В последнее время я чувствовал одну только ненависть к пропавшей девочке. Но вот... видя твоё горе...

- Она - мой друг!..

- Тогда тихо!

Возле Серванта в скале торчал один выступ, который дядя называл Баром - тоже непонятное мне слово. Показывая мне на него лапой, мой товарищ сказал:

- Я подозреваю, что там, за стеной, есть какая-то скрытая от нас пещера. Ты никогда не читал сказки?

- Сказки? Никогда. А что это такое?

- Это истории, которых никогда не было. Я рассматривал в одной книге картинки, очень красивые. Одна изображала прекрасный город. Я захотел в него попасть, а Лепетайло говорит: "И не мечтай! Это всё сказки! Нет на свете совершенства!"

- А я думаю, что есть, - тихо заметил я, вспоминая Живульку.

- Каждый думает о жизни то, что ему хочется! - Бурый махнул рукой.

- Зачем тогда было бы сочинять историю, которой никогда не было! - рассуждал я, думая о пользе сказок.

- Затем, что это может ещё произойти!

- Вот как? И о чём гласят сказки?

- В одной рассказывалось про царевну. Она заснула, а может быть, и умерла... Я раньше не понимал, что такое смерть, а теперь, когда Живульки не стало, понял...

- Ну и? - Спросил я хоть и слабым голосом, но уже с некоторым интересом.

- Богатыри одной далекой от нас державы положили её в хрустальный гроб. А гроб поместили в одну недоступную никому пещеру. Девушка и лежала там, пока её не нашёл её жених Елисей.

- А я -то здесь при чём? - Задал я вопрос, хотя уже и сам предполагал при чём.

- А вот послушай! - Предложил Бурый. - Это и будет моим свадебным подарком тебе.

Он пошарил у себя в карманах и обнаружил какой-то небольшой предмет, вроде камня. И надо же, он даже камня ради меня не пожалел - вот настоящий друг, швырнул его в стенку выступа на скале. А думал, скала после этого раздвинется, и мы увидим её содержимое. Но произошло то, чего я никак не ожидал. В ответ на стук внутри горы кто -то глухо и тяжело застонал.

Мы замерли. А потом Бурый прошептал, ужасно пугаясь своих догадок:

- Я и раньше швырял разные ненужные мне вещи в Бар. Тренировался в меткости. И никогда ни звука. А тут, уже несколько дней...

- И ты полагаешь? - Ответил я ему тоже шепотом.

- Да, - ещё тише сказал Бурый и моргнул маленькими глазками. - Ты верно понял. А теперь постриги, постриги меня скорее!

Я так и сделал, чтобы дядя ни о чём не догадался. После этого мы некоторое время помолчали, каждый рассуждая о своих догадках про себя.

- И вот ещё. - Добавил Бурый, беря у меня из рук ножницы. - Я был недавно... - он щёлкнул ножницами над своей шерстью, - у карликов. Дядя твой попросил меня передать их главному какое-то дипломатическое послание.

- И?

- Я не заметил на открытой площадке Серванта, где они обычно живут, Склепа.

- Какого ещё Склепа?

- Коробочки из камня. Он всегда стоял у них справа.

- Ты хочешь сказать...

- ... да, да, - продолжал Бурый, быстро работая ножницами. - Слишком уж он похож на тот хрустальный гроб, в который богатыри положили мёртвую царевну.

- О, дьявол! - вырвалось у меня несколько громче, чем я хотел. - Ты думаешь, Живулька лежит сейчас в этом Склепе, в пещере? Откуда доносятся стоны? Неужели именно там живут мёртвые родители дяди?

- Вопрос не в этом, - рассуждал Бурый. Ему, оказывается, тоже нужна была истина! Как и нам с Живулькой. - А в том, кто всё-таки положил девчонку в Склеп? Чьи-то восставшие из гроба родители или...

- ... мой дядя? - Ужаснулся я.

Бурый не отвечал, а только шустро щёлкал своими ножницами.

И мы с Бурым разработали один план.